

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16–18 ИЮНЯ 2011**

**СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ЦЕНТРА.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ СНГ, ЕВРАЗЭС И ТАМОЖЕННОГО
СОЮЗА В РАМКАХ ЕВРАЗЭС
Создание творческого капитала в России**

17 июня 2011 г. — 17:30–18:45, Павильон 8, Зал 8.3

Санкт-Петербург, Россия

2011

Работа по созданию Международного финансового центра в Москве предполагает в качестве одного из приоритетных направлений становление Москвы как полноценного регионального финансового центра для соседних стран. Основными направлениями работы являются анализ принятых соглашений в рамках ЕЭП и нормативной базы в рамках СНГ и ЕврАзЭС, а также поиск форматов наиболее эффективного взаимодействия на финансовых рынках и в банковской сфере. Задача состоит в том, чтобы содействовать качественной переработке уже принятых межгосударственных соглашений, а также максимально содействовать усилиям частного сектора по развитию связей между финансовыми институтами и элементами финансовой инфраструктуры стран региона.

Модератор:

Юрий Соловьев, Первый заместитель Президента-Председателя Правления, ОАО Банк ВТБ

Выступающие:

Рубен Аганбегян, Президент, ММВБ

Данияр Акишев, Заместитель председателя, Национальный банк Республики Казахстан

Карен Закарян, Исполняющий обязанности генерального директора, NASDAQ OMX Armenia

Игорь Шувалов, Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

Участники дискуссии:

Татьяна Валовая, Директор Департамента международного сотрудничества Правительства Российской Федерации

Тимоти Дрейпер, Основатель, управляющий директор, Draper Fisher
Jurvetson

Дмитрий Панкин, Руководитель Федеральной службы по финансовым
рынкам

Джеймс Тёрли, Председатель совета директоров и Главный
исполнительный директор, Ernst & Young

Игорь Финогенов, Председатель Правления, Евразийский банк развития

Андрей Шаронов, Заместитель Мэра Москвы в Правительстве Москвы по
вопросам экономической политики

Ю. Соловьев:

Добрый вечер, уважаемые дамы и господа! Я рад приветствовать вас на сессии, посвященной созданию Международного финансового центра (МФЦ) под эгидой СНГ, ЕврАзЭС и Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Позвольте мне представить наших уважаемых спикеров. Прошу их поприветствовать: первого заместителя председателя Правительства Российской Федерации Игоря Ивановича Шувалова, президента ММВБ Рубена Абеловича Агангебяна, исполняющего обязанности генерального директора NASDAQ OMX Armenia Карена Давидовича Закаряна и Данияра Талгатовича Акишева, заместителя председателя Народного национального банка Республики Казахстан.

К нам также присоединилась панель экспертов, которые сидят в первом ряду: это господин Дмитрий Владимирович Панкин, руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам Российской Федерации; Татьяна Дмитриевна Валовая, руководитель Департамента международного сотрудничества российского правительства; господин Джеймс Тёрли, председатель правления компании SsangYong; господин Тимоти Дрейпер, основатель и главный управляющий партнер фирмы DFJ; господин Игорь Валентинович Финогенов, председатель правления Евразийского банка развития.

Нашу дискуссию я хотел бы разделить на четыре части: первая будет посвящена вопросам и целям создания Международного финансового центра, вторую часть я хотел бы посвятить процессам и путям его создания, третью — процессам интеграции и конечным целям создания Международного финансового центра и единого экономического пространства в рамках СНГ и ЕврАзЭС, в четвертой части я хотел бы предложить присутствующим в зале задать свои вопросы, мы постараемся на них ответить. Вопросы можно задавать как участникам панели, так и нашим уважаемым экспертам, сидящим в первом ряду.

Позвольте мне начать с вопроса Игорю Ивановичу Шувалову и спросить: а зачем вообще правительству нужно развивать тему Международного финансового центра, в чем Вы видите здесь выгоды и недостатки, экономические или социальные? Это просто престижный проект, то, чем правительство должно заниматься? Пожалуйста!

И. Шувалов:

Идея создания МФЦ в Москве родилась до кризиса. Но когда кризис приобрел большую остроту, многие наши эксперты, работавшие с правительством, приходили к нам на правительственные совещания и говорили: ну все, тема МФЦ умирает, какой теперь Международный финансовый центр? Разобраться бы с теми проблемами, которые на нас с вами свалились, а тут такой амбициозный проект!

И, тем не менее, начиная с первых месяцев 2009 года президент Медведев неоднократно подтверждал, что в Москве будет создан Международный финансовый центр, и, более того, предпринимал определенные практические шаги, чтобы запустить этот проект. Он встречался с большим количеством банкиров из инвестиционных коммерческих банков, представляющих самые крупные финансовые учреждения Европы, США, азиатских стран, он проводил консультации. Первоначально эти консультации были приватными, закрытыми. Целью было понять, есть ли у России преимущества, которые бы позволили привлечь лучших специалистов из самых передовых финансовых учреждений, с тем чтобы они переехали в Москву и поддерживали определенный уровень компетентности здесь, на российском рынке. В некоторых таких встречах я принимал участие вместе с другими членами правительства, и всегда этими банкирами задавался один и тот же вопрос: зачем это нужно России? Ответ был очень простой: Россия формирует для себя повестку модернизации или ускоренного преобразования. Те планы, которые мы ставили перед

собой еще в 2003 году, когда президент Путин заявил о программе повышения конкурентоспособности, о том, что Россия должна быть конкурентоспособной; и позже, в 2008 году, когда, уходя, президент Путин обозначил стратегические цели новой России к 2020 году; затем программа модернизации президента Медведева, любые мероприятия, которые укладываются в эти рамки или в понятие «новой России», — все они требуют значительных капиталов.

Мы можем привлекать эти капиталы через те инструменты, которые существуют в России. Они, правда, неразвиты и незначительны, их мощь не настолько велика, чтобы обеспечить такие масштабные преобразования. Мы можем пользоваться традиционными рынками Азии, пользоваться рынками Франкфурта, Лондона, Нью-Йорка, и многие предприниматели из России пользуются этими площадками. Когда мы говорим о формировании Международного финансового центра в Москве, то, скорее, говорим о преобразовании уже существующей финансовой системы в нечто такое, что будет способствовать движению капитала с тех рынков, где наличность излишняя, для осуществления проектов не только на территории России, но и в странах-партнерах.

В первую очередь, это такие страны как Казахстан, Белоруссия — те, которые образуют единую с нами таможенную территорию, Таможенный союз; это страны ЕврАзЭС, то есть, в дополнение к участникам Таможенного союза, Кыргызстан и Таджикистан. В ЕврАзЭС есть наблюдатели — Армения, Украина, Молдова, — и мы думаем о масштабе Содружества Независимых Государств в целом. Это страны, которые также имеют возможность привлекать капитал (кому-то это удастся делать лучше, кому-то хуже), у них есть свои программы преобразования и модернизации. Но из дискуссий со специалистами нам стало совершенно очевидно, что лучшим способом обеспечения притока капитала не только в Россию, но и в эти страны-партнеры, является создание промежуточного звена, которое

могло бы обеспечить лучшее информирование о бизнес-проектах, которые возникают в этих государствах, о политических процессах, которые там происходят, поскольку все они теперь независимы. Подчас эти процессы очень сложны, а иностранным партнерам из Азии, Европы, США нужно точно понимать, куда пойдут деньги.

Нужны партнеры, нужны инфраструктурные инструменты для движения этого капитала. Что можно ответить на ваш вопрос: «Зачем нам нужен МФЦ»? МФЦ нужен нам для обеспечения концентрации и возможности использования капиталов в таком объеме, чтобы обеспечить нашу повестку модернизации, то есть значительных преобразований. Называйте их как угодно: хотите — «модернизация», хотите — «масштабные преобразования в экономике, социальной и политической сферах». На все это нужны деньги. Таких внутренних ресурсов у России нет, несмотря на все накопленные богатства и несмотря на все наши резервы, мы говорим о совершенно другом масштабе капитальных вложений. А капиталы можно поднять, только используя самые современные технологии и обладая компетенцией, то есть людьми, которые умеют это делать. Значит, придется привлекать для этой работы лучших специалистов из других финансовых столиц; придется обеспечить процесс обучения специалистов здесь, в России, чтобы в Москве они могли получать образование и работать.

Вместе с тем, мы понимаем, что нужно создавать такую среду, которая предоставит не худшее качество жизни, чем, например, в Лондоне, где, как вы знаете, жить достаточно комфортно. В Москве это сделать очень сложно, и Москва должна обладать своими преимуществами по сравнению с другими финансовыми центрами. Мы понимаем, что именно нужно сделать для создания МФЦ, но цель — не просто МФЦ как амбициозный проект: вот, мол, в Москве есть сити, есть большое количество финансовых учреждений, у нас работают крупнейшие банкиры. Нам эти банкиры и этот

сити нужны для того, чтобы капитал мог поступать на совершенно других условиях, чтобы его оборот имел совершенно другие скорости, чтобы мы могли предоставлять площадку для перемещения этого капитала в государства-партнеры. Только тогда будет шанс на успех. Без денег модернизация не состоится.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Это не первая попытка создать в самой России или в странах Содружества международный или региональный финансовый центр. Как вы помните, до кризиса 2007–2008 годов Региональный финансовый центр Алматы очень широко пропагандировался, к нему привлекалось внимание со стороны правительства Республики Казахстан. После кризиса — возможно, из-за того, что банковская система Казахстана, как и многих других стран региона, подверглась большим испытаниям, — мы меньше слышим об опыте создания регионального финансового центра. Я хотел бы спросить Данияра, как он считает, успешный это проект или нет, и попросить его поделиться опытом в данном вопросе.

Д. Акишев:

Спасибо, Юрий. Я не хотел бы занимать много времени, потому что история этого вопроса достаточно сложна. Решение о придании такого статуса городу Алматы родилось не очень быстро: как в России сейчас происходит обсуждение, так и этот проект постепенно внедрялся в жизнь. И, естественно, была немного другая среда. Здесь правильно отметили: это был докризисный период, Казахстан демонстрировал очень высокие темпы экономического роста, финансовый сектор бурно развивался. В тех условиях это были естественные конкурентные преимущества Казахстана, которые необходимо было закрепить. Поэтому, я думаю, опыт Казахстана,

плюсы, которые были продемонстрированы, и уроки, которые мы сами вынесли, в России могут быть использованы.

Я бы хотел отметить вот что: концепция развития финансового центра может быть любой: можно рассматривать город, часть города, часть страны и так далее, — все это уже решает правительство. В Казахстане эта идея реализовалась следующим образом: был принят соответствующий закон, было создано соответствующее ведомство, которое напрямую занималось вопросами развития города Алматы как финансового центра. К сожалению, кризис, который наступил в 2008 году, скорректировал эти планы, и это ведомство два месяца назад было присоединено к Национальному банку. Мы по-прежнему выполняем эти функции, но я думаю, теперь мы будем эти функции корректировать, применять к нынешним условиям.

Самое главное, что необходимо помнить при принятии решения о Международном финансовом центре: большинство финансовых центров в мире не созданы искусственно, то есть власти не ставили так вопрос. Большинство их возникало исторически: исторически там концентрировались функции, финансовые ресурсы, население и так далее. Соответственно, создание такого центра при помощи административных рычагов всегда сталкивается с проблемами. Но, тем не менее, такие шаги возможны. Мы изучали опыт стран, которые сделали это, изучали опыт Объединенных Арабских Эмиратов, и видели, что, в принципе, успех возможен, если только государство выработает конкретную программу и совершит конкретные действия. Мы дали понять, какие преимущества будут у инвесторов и у эмитентов, мы создали соответствующие условия и максимально упростили для них режим работы именно в городе Алматы. Этим занималось непосредственно наше ведомство.

Очень важный вопрос, который необходимо будет решать в России при создании этого центра: какие налоговые преимущества у него будут? Я думаю, для большинства участников это может оказаться ключевым

вопросом, однако тут есть скрытые угрозы, потому что любые послабления имеют также и негативный эффект, могут признать офшорной зоной и так далее. Затем, у Казахстана есть одна историческая особенность: в 1997 году столица была перенесена из Алматы в Астану. Астана стала главным городом Казахстана, административным центром, и, в связи с этим, необходимо было четко понимать роль самого крупного города в нашей стране — города Алматы. Все финансовые институты были сконцентрированы в этом городе, в нем осуществлялись все финансовые услуги, там концентрировались посредники, иностранные инвесторы, и решение о создании центра виделось логичным. Необходимо было решать вопросы транспортной инфраструктуры и условий жизни, о чем сказал Игорь Иванович. На самом деле мы далеки от полного решения этих вопросов, потому что создать отдельное правовое поле для отдельного города сложно, и я думаю, что эти моменты будут учтены.

Возвращаясь к вопросу: «Нужно ли было это делать?» Я считаю, что нужно. Во-первых, мы приобрели большой опыт в части понимания того, как это должно быть; мы наработали необходимую нормативную базу и, наверное, даже по этим признакам обладаем некоторыми конкурентными преимуществами. Я говорю не о масштабах: я говорю о подходах, о том, как это должно делаться, — и вот этот опыт может быть применен. Спасибо.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Игорь Иванович, а Вы не боитесь тех конкурентных преимуществ, о которых говорил Данияр? Поставим вопрос шире: взаимодействие с какими странами на постсоветском пространстве Вы видите приоритетным, с кем надо вести работу по созданию Международного финансового центра?

И. Шувалов:

Ну, по поводу конкуренции — боимся ли мы ее? С тех пор как мы образовали единое таможенное пространство, нам постоянно задают вопросы. А с 1 января 2013 года у нас будет действовать единое экономическое пространство. Как вы знаете, три президента приняли решение о создании Евразийского экономического союза. Для нас жизнь становится значительно сложнее, поскольку теперь мы внутри единого экономического пространства, но пространство единое, а государства-то разные, и бюджеты по-прежнему разные, карманы разные. У нас нет единого бюджета, каждое государство имеет свою фискальную систему и свои обязательства перед населением. И специалисты говорят, что конкуренция будет усиливаться. Казахстан в последние годы проделал огромную работу, модернизировал свою налоговую систему, которая в настоящий момент значительно привлекательнее, чем российская налоговая система, он проводит большую работу по де бюрократизации, по борьбе с административными барьерами. Вообще в Казахстане умеют работать. Я это говорю искренне, в профессиональном плане даже немного завидую, поскольку все те решения, которые подчас в России обсуждаются достаточно долго, в Казахстане быстро принимаются на законодательном уровне и затем воплощаются в жизнь.

Мы проходим более сложный путь, но также это делаем. В свое время, когда Греф еще был министром экономики, а я работал в администрации, мы вместе ездили в Казахстан. И если взять многие законодательные инициативы, которые тогда обсуждались в Правительстве России, то казахстанские коллеги, не скрывая, говорили: «Мы посмотрели, что вы обсуждаете, и принимаем такое же решение». Пока мы обсуждали, они уже приняли законы, и те работали. Так вот, эта конкуренция будет усиливаться с каждым днем, и это очень хорошо. Это будет касаться возможностей для развития бизнеса, которые каждое государство сможет предоставить на единой таможенной территории. Понятно, что правила и возможности по

открытию и ведению бизнеса в России, Белоруссии и Казахстане отличаются, и мы теперь должны посмотреть друг на друга. Где-то работать комфортнее, и, конечно же, инвесторы не будут слушать свои правительства, а будут думать, где им комфортнее работать и как лучше зарабатывать капиталы.

Фактор конкуренции все время заставляет нас быть в тонусе. И я, в том числе, из-за этого считаю, что создание Таможенного союза для России — большое благо. Мы будем не просто смотреть, правильные мы принимаем решения или нет: теперь мы будем смотреть, как точно такой же вопрос решается в Казахстане, в Белоруссии, на постсоветском пространстве в целом, какие решения принимают соседние страны — например, Украина. Может быть, бизнес будет уходить туда. Так вот, если Алматы состоится как международный финансовый центр, мы будем рады этому, и если работа пойдет там более успешно, будем смотреть на опыт наших казахстанских коллег.

Но наши амбиции при этом не уменьшаются. Посмотрим на то, какую роль играла Москва и до революции, и в советское время, и в настоящий момент. Может, это нескромно, но я все-таки скажу: если взять финансовые возможности российской столицы, капитал, который обращается через Москву, все, что здесь связано с рынком капитала, — ни одна из столиц бывших республик Советского Союза по объему капитала, по финансовой мощи с Москвой не может сравниться. Потенциальная мощь Москвы как рынка капитала совершенно иная, чем у других городов. Конечно же, Москва никогда не была международным финансовым центром, но капитал концентрировался здесь в такой степени, что обеспечивал развитие на огромной территории. Это была Российская Империя, потом Советский Союз и другие государства, которые во времена Советского Союза были связаны друг с другом, социалистический лагерь, это были страны СЭВ, страны Варшавского договора, страны Карибского бассейна и Африки, и

многие другие. И все это обеспечивала — между прочим, действуя по другим принципам и правилам, — финансовая система Советского Союза. И Москва тогда была городом, который мог предоставлять капитал в таких вот объемах. Правда, это не тот образец, к которому мы хотели бы стремиться. Но мощь капитала, проходящего через Москву, ощущалась всегда.

Теперь о том, что касается будущего. У России огромные естественные возможности. У нас огромная территория, все говорят про наши несметные национальные богатства, но самое главное наше богатство — это 142 миллиона высокообразованных и, как мне представляется, очень талантливых граждан. И комбинация тех преимуществ, которые есть у России, безусловно, должна проявиться в стоимости и в капитале. И этот капитал должен обращаться через что-то, через какие-то инструменты и институты. Вот эти институты мы и можем создать на базе Москвы. Все очень просто, как мне кажется, если приложить руки, деньги, голову, и сделать это, не придумывая сложных упражнений. Это вполне достижимая цель.

Еще раз о ближайших конкурентах. Если они нам конкуренты — это очень хорошо, будем их догонять. И если мы можем при этом, дополняя друг друга, создать общий проект, который будет полезен всем нам, то это как раз реальная цель, не мнимая. Надо не перегонять кого-то, а создать комбинацию, которая была бы удобна для инвесторов. Кстати, я знаю, что группа, которая работает под руководством Волошина, ведет серьезные переговоры и большую работу, например, с Франкфуртской биржей. Они посещали, в том числе, Гонконг, Сингапур и так далее. И у них есть определенное видение того, как должны выстраиваться партнерские отношения, как биржа и группа компаний должны друг друга дополнять. Поэтому если алматинская финансовая система, которая появится, будет

работать во взаимосвязи с московской, — может быть, это придаст обеим системам дополнительную ценность.

Но ответов на эти вопросы пока нет, и мы сейчас работаем над дополнениями в Гражданский кодекс и в другие законодательные акты. Мы сейчас в процессе формирования законодательной базы, которая могла бы стать основой для создания МФЦ. Параллельно мэр Москвы работает с правительством, занимается инфраструктурой и качеством жизни. Я думаю, какое-то время мы будем раскачиваться, а потом резко начнем набирать обороты. У Москвы, мне кажется, имеются естественные преимущества, и есть шансы на достижение положительного результата по этому проекту. Он интересен, он необходим, он не искусственный.

Ю. Соловьев:

Есть очень интересный аспект работы финансовых регуляторов и того мегарегулятора, который здесь представляет наш уважаемый Дмитрий Владимирович. Что будет приоритетным: вопросы конкуренции финансовых рынков на территории ЕврАзЭС, или же их взаимодействия, или вопросы взаимодействия этих финансовых рынков с мегарегулятором? Вы могли бы прокомментировать?

Д. Панкин:

Спасибо. На вопросы о выстраивании единых норм регулирования, что для нас первично, о реформе национальных норм регулирования, о следовании международным стандартам регулирования — ответ, казалось бы, должен быть однозначным: да, мы должны одновременно и реформировать наше национальное регулирование, и двигаться вместе с нашими партнерами по ЕврАзЭС и СНГ, и в этих реформах следовать международным стандартам. Но я хотел бы отметить такой момент: мы возвращаемся к теме конкуренции. Есть конкуренция не только между странами, не только между

бюрократиями за то, где меньше уровень налогообложения, где созданы более благоприятные условия для инвесторов, — но и конкуренция между регуляторами: в какой стране и как определяется регуляционный режим. Эта конкуренция между регуляторами постоянно была, есть и будет, несмотря на все меры по стандартизации, по выработке общих рекомендаций, по международному регулированию.

Посмотрим на нынешнюю ситуацию: буквально два дня назад на первых полосах газет мы читали обвинение Тимоти Гайтнера в адрес Сингапура и Гонконга — обвинение в том, что они создают искусственно благоприятные условия для работы с деривативами и тем самым пытаются перетянуть работу с деривативами с рынков Соединенных Штатов на свои рынки, в нарушение согласованных в «двадцатке» позиций financial stability board. Буквально в прошлом месяце состоялась конференция стабилизационных фондов, фондов национального благосостояния. Представители многих из них отмечали, что больше вкладываться в американские акции не будут. Требования законодательства по инсайду таковы, что они в Америке могут встретиться только с девушкой — пресс-секретарем компании. Они не могут даже побеседовать с генеральным директором — с человеком, отвечающим за стратегию компании: это противоречит закону об инсайте. Тогда они будут вкладываться в европейские рынки, где таких жестких требований нет.

О чем это говорит? О том, что конкуренция есть. Безусловно, мы находимся в конкурентном поле. Какой мы делаем вывод? Да, мы должны следовать международным стандартам. Если мы не будем следовать стандартам, выработанным в рамках «двадцатки», тем общим требованиям к регулированию, которые сейчас вырабатываются в рамках financial stability board, то нас просто исключат из рынка международных перетоков капитала. Мы будем занесены в серые, черные списки — фактически, никто из участников рынка не будет с нами работать. Естественно, требования

нужно выполнять, нужно стремиться к их отражению в нашем законодательстве.

Но, вместе с тем, встает другой вопрос, и это уже вопрос тонкой настройки: как в рамках общих требований, общих стандартов все-таки создать условия, которые бы привлекали инвесторов, создавали относительно более благоприятные условия работы на национальном рынке? То есть, конечно, нет черного и белого, нельзя создать очень благоприятные условия для инвесторов, уйти от требований пруденциального надзора, уйти от требования располагать минимальным капиталом, уйти от требований инсайда и сказать: «Приходите к нам все, кто хочет торговать, мы создадим для вас самые благоприятные условия». Нет, такого не получится: нужно, повторяю, найти эту тонкую грань. Нужно соблюдать международные стандарты регулирования, стандарты подхода к пруденциальному надзору, к инсайду, но в рамках этих стандартов постараться найти индивидуальные решения, которые были бы наиболее благоприятными. Спасибо.

Ю. Соловьев:

Спасибо большое. Вопрос к Рубену Абеловичу Агангебяну. Он, с одной стороны, как президент биржи, является пользователем, или скажем так: как бизнес-единица он является результатом процессов создания Международного финансового центра. С другой стороны, он является непосредственным участником интеграции как тот, кто предоставляет платформу, предоставляет услуги участникам рынка. Как по-Вашему: это бизнес-проект государства или государственный проект в бизнесе?

Р. Агангебян:

Я считаю, что довольно сложно найти эту грань. Это один из таких инфраструктурных проектов, которые невозможно реализовать без

государства, просто приложив волю участников. Но это проект, который никогда не заработает, если в него не будут вовлечены участники, потому что он делается для них, и они будут играть важнейшую роль после того, как государство достигнет каких-то договоренностей и создаст инфраструктуру. Участники будут дальше двигать этот проект вперед. Мне кажется, эту грань найти достаточно сложно.

Безусловно, в проекте МФЦ значение участников, их вклада, их воли огромно, потому что барьеры, которые мы пытаемся снять, вопросы, которые мы пытаемся разрешить, определяются именно участниками. На базе их мнений формируются приоритеты, и затем, при их непосредственном участии, проводятся реформы, пишутся законы. В плане интеграционном, мне кажется, подобный подход очень важен, потому что мы наблюдаем и до кризиса наблюдали активное присутствие финансовых институтов и просто бизнесменов из стран СНГ в российской экономике, на российском рынке. Мы видели и обратную тенденцию — развитие наших финансовых институтов и их продвижение в другие страны, особенно здесь были популярны Украина и Казахстан.

Соответственно, мне кажется, что вопрос об интеграции назрел. И наш подход, или мой подход, состоит в том, что всегда есть два пути взаимной кооперации и интеграции. Один путь — это когда ты имеешь довольно сильный рынок и приглашаешь на него либо эмитентов, либо участников. Другой путь — это полноценная интеграция, создание единого рынка. Мне кажется, что второй путь более правильный, потому что он позволяет не тянуть рынки на себя за счет своего доминирующего положения, а наоборот, позволяет всем участникам процесса реализовать свои преимущества и попытаться решить проблемы, которые у них есть.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Я хотел бы задать вопрос Тимоти Дрейперу, основателю одного из самых больших фондов венчурного капитала в мире. Они производили инвестиции более чем в 20 странах, сделали такие замечательные вещи, как Hotmail, или Skype, или Tesla. С точки зрения частного венчурного капиталиста, который инвестировал во многих регионах, насколько важна для Вас интеграция финансового пространства и унификация финансового законодательства в нашем регионе?

Т. Дрейпер:

Я думаю, что дам в своем роде уникальный ответ. Возможно, вам понадобятся наушники.

С момента появления сервисов Hotmail, Skype и всех этих интернет-компаний мы все стали ближе друг к другу. Географические границы стерлись, и, как результат, финансисты наряду с предпринимателями и бизнесменами могут довольно свободно перемещаться по всему миру. Мы приходим в те страны, которые являются наиболее конкурентоспособными, наиболее активными, с наилучшим пониманием бизнеса и свобод, — в те страны, в которых обеспечена свобода инвестиций, а для предпринимателей созданы все возможности для развития своего бизнеса.

Я думаю, что исторически все так и сложилось. Гонконг был очень свободным рынком, и люди были, естественно, заинтересованы в Гонконге. Сингапур же придерживался очень агрессивной стратегии. Они применяли другой подход — быть очень агрессивными, чтобы привлечь человеческий капитал в Сингапур и стать деловым центром.

Итак, как основать финансовый центр в Москве? Я в своих размышлениях пришел к выводу, что, может быть, более привлекательным было бы расположить этот центр в Санкт-Петербурге — это красивый город, и он расположен на некотором расстоянии от столицы. Находиться вдали от столицы означает, что правила могут быть теми же, но вы их не ощущаете

на себе в той же степени. Так что, я хотел бы поделиться теми соображениями, которые у меня возникли на этот счет.

Меня в любой стране привлекает дух предпринимательства, который вы действительно развиваете в России, и я этому придаю большое значение. Этот дух, в сочетании с целым рядом факторов, может приносить очень высокую отдачу на местах.

Когда в вашей законодательной, либо банковской сфере присутствует, если так можно назвать, либеральное, либо же благоприятное законодательство о банкротстве, то начинающий бизнес может совершить ряд глупых ошибок, пару раз разориться, попасть в большую задолженность, а затем начать все заново и добиться лучших результатов, освободившись от груза прошлого. Поэтому я думаю, что защита предпринимателя законодательством о банкротстве является одним из таких тонких вопросов, которые можно легко упустить из внимания.

Теперь, конечно, о коррупции. По-моему, вы здесь принимаете ряд мер по ее пресечению, и я это откровенно приветствую. Я думаю, вы должны продолжать в том же духе, потому что это послужит залогом уверенности иностранных партнеров в правильности их выбора, уверенности в самой России. Я думаю, что для России наступает прекрасное время. Сейчас чувствуются предпосылки позитивных перемен, и если вы сможете обуздать коррупцию, провести правильное законодательство о банкротстве, обеспечивающее защиту бизнеса, и, может быть, снизить налоги, это будет хорошо, но это не самое главное. Это сделает вас более конкурентоспособными, но и это не самое главное.

В остальном, я думаю, вы движетесь в правильном направлении, но я бы на вашем месте серьезно рассмотрел альтернативу Санкт-Петербурга, это действительно очень красивый город. Спасибо.

Из зала:

Может быть, и правительство уедет из города.

Т. Дрейпер:

Верно.

Ю. Соловьев:

Хорошо, спасибо, Тимоти. Вы могли бы прокомментировать направление развития интеграционных процессов для нашего международного финансового центра?

Т. Дрейпер:

Да, я не ответил на этот вопрос. Что касается интеграции, я думаю, она сможет укрепить существующее доверие. На мой взгляд, интеграция европейских стран была для них очень выгодна, потому что мы можем свободно ездить между этими странами без таможен, и в большинстве случаев можем пользоваться одной и той же валютой. Так что интеграция многое облегчает, и это очень хорошо. В общем, я со своей стороны являюсь сторонником интеграции: чем больше сотрудничества, тем лучше.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Я повторю вопрос в адрес Игоря Ивановича по поводу «дорожной карты», процесса взаимодействия и интеграции. Если можно, прокомментируйте участие Украины в данных процессах. Как Вы напомнили, это достаточно большая страна, самая большая в Содружестве после России. Что Вы думаете по поводу нее?

И. Шувалов:

Сначала я хотел бы сказать то, что сказал господину Дрейперу: все-таки лучше пусть будет Москва. Президент сегодня объявил, что правительство,

скорее всего, покинет Москву, переместится в новый административный район, который для нас выделят. Что-то такое будет построено, и правительство со всеми своими учреждениями переедет, чтобы не мешать городу, — так я понял эту идею. Мне, кстати, нравится идея о том, что Москва должна расширить свои административные границы. И для того, чтобы работать более эффективно и не мешать гражданам, все власти могут переехать и компактно расположиться в близлежащих районах. Так что мы не помешаем Москве, пусть это по-прежнему будет Москва, хотя Петербург, я согласен, более красивый город.

Теперь о наших конкретных планах, о самом главном, что мы должны сделать. Как раз сегодня, на предыдущем мероприятии, мы обсуждали приватизацию. Нужно совместить наши амбициозные планы по приватизации с формированием Международного финансового центра. И все наши законодательные нормы — те, которые будет готовить регулятор, Дмитрий Владимирович, и нормы, подготовленные правительством, если они необходимы, — их нужно совместить с тем фактом, что эти институты одновременно будут формировать себя, и мы сможем при помощи этих институтов привлекать капитал, привлекать денежные средства, продавая акции, но уже используя Москву как площадку.

Совсем не обязательно, чтобы биржа в Москве выступала как единственный инструмент. Мы это можем делать в партнерстве с другими биржами, через биржи во Франкфурте, в Алматы — как придумают наши консультанты и продавцы. Но у нас есть список из 23 самых крупных финансовых учреждений, которые, по решению Президента и правительства, будут вовлечены в процесс приватизации либо как наши консультанты, либо как наши продавцы. Вот они и должны, если хотят зарабатывать свою комиссию, советовать нам, как это лучше сделать, и вместе с нами продавать активы, готовить их к продаже, но одновременно с

продажей формировать институты Международного финансового центра в Москве.

Это первоначальная стадия работы, и, конечно, огромная ответственность здесь лежит на московских властях. Необходимы денежные средства, поддержка в осуществлении инфраструктурных проектов. Федеральный центр будет помогать Москве, но для того, чтобы все это состоялось, Москва должна стать по качеству жизни и по качеству ведения бизнеса первоклассным городом. Это не просто место, где сосредоточены банки, где они могут при помощи приличных, конкурентоспособных норм осуществлять транзакции. Нет, это место, где даже малому бизнесу живется свободно и комфортно. Вот если в Москве малому предприятию будет легко возникнуть и развивать свой бизнес, если инновационный бизнес в «Сколково» будет развиваться, если и крупные предприятия, и средние будут иметь достаточно свободы для развития, для созидания, и для этого будет наличествовать капитал, — все это позволит сформировать финансовый центр. Если что-то будет отсутствовать — успех не придет.

Поэтому я думаю, что первоначальная стадия — это создание нормативной базы вместе с проведением приватизации таким образом, что станет формироваться Международный финансовый центр в Москве. Мы будем делать это в партнерстве с теми, кто захочет создавать этот центр вместе с нами. Они станут нашими стратегическими партнерами, как, например, Франкфуртская биржа. Необходима огромная работа, чтобы кардинальным образом изменить инвестиционный климат в Москве, изменить инфраструктуру и стиль жизни. Это то, что можно сделать в ближайшие два–три года, а потом центр будет развивать себя уже сам.

По Украине — вопрос очень сложный. Конечно, Украина сейчас уникальна в том смысле, что это очень большая, развитая страна, там развиты образование, промышленность, сельское хозяйство; это страна с большим населением, где в последние годы шли очень сложные политические

процессы. Это дело украинского народа, какие решения принимать, за кого голосовать, — но из-за решений, которые принимал украинский народ, тяжело складывались наши отношения с украинским руководством. У нас все проходило непросто, и очень много совместных возможностей было упущено. Вы знаете, что традиционно российские и украинские предприятия дополняли друг друга, существовала тесная кооперация — как в гражданском секторе, так и в военно-промышленном. А сельхозрынок Казахстана, России и Украины обладает таким потенциалом, с которым вряд ли что-нибудь в мире может сравниться: по экспорту зерна, например, и другим видам продукции.

Вообще, в России столько пахотных земель! Попробуйте найти страну с такими разными климатическими условиями и такими разнообразными возможностями для сельского хозяйства! Я думаю, что Россия в данном случае уникальна. Люди, не очень хорошо разбирающиеся в этом, думают, что у нас холодно, Сибирь и все такое. На самом деле, если заниматься этим серьезно, то выяснится, что на мировом рынке продовольствия Россия занимает уникальное положение. Поэтому Украина, какой проект ни возьми, могла бы и Таможенному союзу, и всей нашей интеграции придать новое качественное измерение.

Таможенный союз — уже очень важное образование, это рынок в 170 с лишним миллионов человек. У нас, у России, огромная территория. В Казахстане талантливые люди. В последние годы президент Назарбаев лично уделял огромное внимание тому, чтобы обучать молодежь в лучших мировых университетах, научных и образовательных центрах. В Белоруссии, при всех трудностях, которые она переживает, сохранена база электронной промышленности, много чего еще там сохранено, и кооперационные связи по-прежнему присутствуют. В России есть то, что есть, со всеми нашими плюсами и минусами. И мы вместе, втроем, образуем уже серьезную силу, почти равную Европейскому Союзу, как мне

представляется. Может, мы уступаем в уровне развития, но по мощи уже равны им, и можем в будущем заключать соглашения о зоне свободной торговли. Это мощное образование, которое способно распространять на восток интеграционные процессы.

Украина обладает такими качествами, что если бы она состояла в Таможенном союзе, то превратила бы наше Евразийское экономическое сообщество в объединение совершенно другого уровня, значительно более мощное. Мы понимаем, что в мире царит конкуренция: может быть, такое мощное образование с участием Украины либо в Европе кому-то не нужно, либо еще где-то. Тут идут, в том числе, геополитические процессы, хотя мы повторяем все время один и тот же тезис: Евразийский союз — это не политический союз, а экономический. Путь интеграции с Европой закреплен в конституции, в основных законах Украины, и политические партии выдвигают в качестве главного своего лозунга евроинтеграцию.

Мы, со своей стороны, утверждаем, что также будем интегрироваться с Европой. Наша цель — заключение соглашения с ЕС о зоне свободной торговли, создание общего экономического пространства. Теперь это выглядит как некая данность, но совсем недавно нам казалось, что люди при этих словах улыбаются. А теперь уже они это воспринимают совершенно нормально: это реальность, которую мы с вами застанем. Общее экономическое пространство от Атлантики до Тихого океана — это реальность ближайшего десятилетия. Уже скоро появятся мысли о подписании документов, договоров. И, конечно, мы постоянно повторяли и повторяем нашим украинским партнерам: если они хотят получить достаточную степень евроинтеграции и значительно увеличить свою экономическую мощь, то им следовало бы это сделать путем вступления в Таможенный союз и Евразийский экономический союз.

Если такого вступления не состоится, мы это переживем, и они переживут, но я говорю откровенно: это будет потерей и для украинской экономики, и

для экономики Евразийского союза. Если бы они принимали непосредственное участие в интеграции, в создании финансовых институтов, в формировании Международного финансового центра, — я думаю, от этого все только бы выиграли. Кроме того, как я уже сказал, мы собираемся это делать в партнерстве с другими, в том числе европейскими, площадками, и здесь курс на евроинтеграцию Украины подтверждался бы. У нас, откровенно говоря, нет в настоящий момент такой степени взаимодействия с украинским руководством, которое бы позволяло даже надеяться на то, что мы станем делать все это вместе с Украиной. Они все время говорят, что хотят создать форматы взаимодействия с Россией, но реально никаких форматов не создается. Есть только призывы, заявления о намерениях, о том, что мы будем делать вместе, об определенных интеграционных проектах. При этом никакой практической работы мы не имеем.

И если рано или поздно Украина примет решение о том, что следует интегрироваться с Россией, Казахстаном и Белоруссией, — я считаю, это значительно укрепит наш союз, и МФЦ, конечно же, будет развиваться совершенно другими темпами. Если этого не произойдет, если мы потеряем этот потенциал, тогда, к сожалению, будем делать это порознь. Они будут это делать согласно тем принципам, которые являются приемлемыми для их руководства, мы будем делать это вместе с Казахстаном и Белоруссией.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Вы упомянули о Европейском экономическом сообществе, которое, как известно, началось с союза по стали и углю, а закончилось полной интеграцией и единой валютой. Данияр Талгатович, как быстро, по-Вашему, мы могли бы перейти на единую валюту? Ваше мнение по этому вопросу, как представителя монетарных властей Казахстана, пожалуйста.

Д. Акишев:

Прямого ответа у меня нет. Я думаю, ответ будет звучать следующим образом: введение единой валюты, символа очень сильной интеграции, будет зависеть как раз от скорости этой интеграции. А скорость эта очень высока. Вот Вы упомянули союз по углю и стали. Прошло более 40 лет, вопросы валютного коридора в странах Европейского Союза обсуждались более 30 лет назад. Путь, который проходила Европа, путь создания нормативной базы по единому экономическому пространству, мы прошли где-то за два года. Фактически сейчас мы по всем позициям договорились, я думаю, и эти соглашения, которые сейчас заключены и ратифицируются нашими парламентами, заложили основу, в рамках которой развивается дальнейшее сотрудничество.

Поэтому я хотел бы сказать сейчас не о единой валюте, а о той интеграции, которая необходима на данном этапе. Мы заинтересованы в ней, наши президенты недавно подписали соглашение о согласованных принципах валютной политики. В Казахстане оно ратифицировано, и, насколько я знаю, в России как раз сейчас проходит ратификацию. В рамках этого соглашения предполагается проведение скоординированной денежно-кредитной политики между нашими странами — Белоруссией, Российской Федерацией и Казахстаном. Мы сейчас заинтересованы в этом, в создании механизмов, которые бы позволяли нам не реагировать на действия, скажем, по курсовой политике, на курс рубля к доллару или к евро, или курс казахстанского тенге к доллару. А возьмем то, что происходит сейчас в Белоруссии: мы стоим перед фактом каких-то изменений, негативных событий, но теперь мы так или иначе разделяем судьбу друг друга, потому что есть уже определенные механизмы взаимопомощи, такие как антикризисный фонд

И вот, чтобы с самого начала договориться насчет принципов, согласно которым мы действуем в экономике, строим рыночные отношения, нам

нужна скоординированная денежно-кредитная политика. Это не означает, что она должна быть единой: она должна быть скоординированной, потому что экономики России и Казахстана по своей структуре достаточно близки, и те обстоятельства, которые влияют на курсовую политику, схожи в Казахстане и в России. И в этих условиях, я думаю, наша координация могла бы быть теснее. Именно сейчас, в эти дни, заседают эксперты наших центральных банков, которые как раз договариваются об этих принципах. Я хотел бы как раз попросить поддержки в этих вопросах со стороны российского руководства, чтобы не размывались понятия и принципы, отраженные в документах, которые уже подписаны главами государств.

Теперь отвечаю на вопрос, возможно ли введение единой валюты. Наверное, возможно, если достичь высокой степени интеграции, взаимопроникновения экономик. Вы знаете, что есть также соглашение по торговле услугами и инвестициями, которое предполагает значительную гармонизацию наших финансовых рынков, и если все эти положения будут реализованы, я думаю, можно уже говорить и о единой валюте. Мы, конечно, считаем, что все это должно зависеть от переговорных процессов, от позиции каждой из стран. Но в целом, я думаю, мы уже движемся в этом направлении.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Карен Давидович Закарян представляет биржу NASDAQ, биржевую группу NASDAQ, которая является самой большой биржевой группой в мире и оперирует на всех континентах. Вы не могли бы поделиться опытом международной кооперации и интеграции в биржевом деле? Спасибо.

К. Закарян:

Спасибо. Действительно, в группе NASDAQ OMX накоплен достаточно большой опыт интеграции, причем на разных уровнях — и на глобальном, и на локальном, то есть региональном. Но после всех выступлений мне кажется, что намного интереснее будет рассмотреть наш опыт подготовки к интеграции, потому что интеграция просто так не возникает: надо проводить огромную, иногда кропотливую домашнюю работу — молча, но последовательно.

Что мы сделали в этом плане? Интеграция подразумевает единое биржевое, депозитарное, клиринговое пространство на международном или на региональном уровне, но для этого надо начинать с создания единого биржевого и депозитарного пространства внутри страны. До 2000 года у нас существовали четыре биржи, с 2000 года осталась одна. Но мы постепенно и последовательно занимаем все большую часть финансового рынка Армении, так, чтобы биржа стала единой точкой доступа для участников рынка, чтобы они могли подключаться к терминалу и использовать все сервисы, которые может предоставить биржа. То же самое с депозитарием: у нас централизованная депозитарная система, и мы планируем в следующем году окончательно и бесповоротно закрепить за собой роль центрального депозитария. Такая интересная идея: там будет единое программное обеспечение, и участникам рынка предложат статус управляющих счетами. Это позволяет сделать депозитарные услуги доступными на всей территории страны, с минимальными затратами на инвестиции. Кстати, интеграционные процессы в российском биржевом пространстве — это шаги в нужном направлении, исходя из нашего опыта. Следующий шаг, когда уже удалось создать единое биржевое и депозитарное пространство внутри страны, — это добиться его полной эффективности. Эти две организации, два инфраструктурных института, должны работать как единый механизм, как единая компания. У нас, после того как биржа стала собственником депозитария, был внедрен

вертикальный интегрированный менеджмент. Намного выросла эффективность, что отразилось и на рынке. Речь идет о полной автоматизации цепочки транзакций. И в этом плане тоже надо проделать достаточно большую домашнюю работу.

Третий аспект, который я бы хотел затронуть, — это, как сказал господин Шувалов, создание комфортных условий для международных игроков. Все локальные спецификации должны существовать только для локальных участников. Если речь идет об интеграции в международное пространство, то условия должны быть комфортными, то есть привычными. Для международных игроков распространение своей деятельности на новую страну в идеале должно означать только расширение масштаба, а не долгий процесс привыкания к новым реалиям. Нам может казаться, что у нас внутри страны положение с какими-то регуляциями обстоит лучше, чем в крупных международных центрах. Но если мы хотим привлечь крупных игроков, то должны создавать для них удобные условия. Если есть все эти компоненты, то страна готова к интеграционным процессам, готова извлекать из них наибольшую выгоду. Тогда у локального рынка появляются глобальные возможности.

Кстати, в октябре мы будем организовывать конференцию на эту тему в Ереване. Я подозреваю, что сегодня мы не затронем все аспекты этой интересной темы, и приглашаю вас поучаствовать в конференции. У нее интересная тема: «Глобальные возможности локальных рынков. Инфраструктура регулирования». Почему инфраструктура и регулирование? Есть эмитенты, есть участники рынка, есть аналитики, но в основном именно инфраструктура и регулирование обуславливают границы возможной интеграции, без этого думать об интеграции вообще невозможно.

Что конкретно может быть применено в странах СНГ? Исходя из нашего опыта, первый уровень — это так называемое «хаотичное сотрудничество»

между брокерами, когда клиенты из одной страны заказывают у своего брокера акции, котирующиеся в другой стране, брокер нанимает другого брокера из другой страны, и так происходит сделка. Следующий уровень — это сотрудничество через депозитарий, когда два центральных депозитария или просто два депозитария открывают друг у друга кросс-счета номинальных держателей, и сервис идет через национальный депозитарий. Граждане конкретной страны через свою инфраструктуру получают доступ к инструментам, через которые идет торговля в других странах. Я думаю, что это может стать следующим этапом углубления интеграции в рамках СНГ, после чего можно подумать о биржевой интеграции. Спасибо.

Ю. Соловьев:

Спасибо большое. К сожалению, у нас заканчивается время, поэтому я прошу задавать вопросы из зала. Если можно, представляйтесь, пожалуйста, и говорите, кому вы задаете вопрос. Пожалуйста.

Р. Мачейко:

Здравствуйте. Роберт Мачейко из Oliver Wyman. У меня вопрос к г-ну Шувалову и к г-ну Соловьеву. Если более подробно рассматривать вопрос приватизации, то надо сказать, что в России круг местных инвесторов ограничен. Приватизация является прекрасной возможностью, чтобы активизировать местных инвесторов, и вы этот момент затронули.

Но для этого требуются определенные предпосылки. Во-первых, это решение о создании фондового рынка в Москве, а не в Лондоне или Гонконге; это решение о цене, которая должна быть привлекательной, чтобы можно было заработать 10% или больше; в идеале, немного образования, потому что людей необходимо научить инвестированию, и надо серьезно растормозить брокеров и их клиентов.

Так что вопрос к г-ну Шувалову: изменило ли правительство свою точку зрения о приватизации в этом направлении, учитывая существующие инициативы по созданию финансового центра?

И вопрос к г-ну Соловьеву: реально ли привлечь достаточно капитала через Москву для текущей приватизации, чтобы сделать ее успешной?

И. Шувалов:

Я просто хочу сказать, что мы намерены, осуществляя приватизацию, настроить все инструменты и научиться, в том числе, это делать. Мы понимаем, что наш рынок ограничен, и нам при этом нужны партнеры и возможности. Как сделать, чтобы не преследовать тупо цель улучшения местных возможностей, при этом потеряв в цене? Нам нужно собрать воедино все элементы этих сделок, собрать воедино энергию для того, чтобы развивать наш собственный московский рынок. Когда мы общаемся с нашими инвестиционными банкирами, в том числе с господами Соловьевым и Агангбьяном, они говорят, что мы не только можем это сделать, но и должны. Пусть отвечают.

Ю. Соловьев:

Спасибо. Я хотел бы подтвердить, что это абсолютно реалистично. Недавно на одном роуд-шоу мы собрали в комнате людей, которые отвечали за несколько триллионов долларов инвестируемого капитала, и абсолютно все были готовы инвестировать в местные акции, торговать на местных рынках. Они не боятся, например, рубля как валюты инвестирования и так далее. Что касается местных инвесторов, то если вы посмотрите на объем торгов на биржах, вы увидите — Рубен может это подтвердить, — что основная ликвидность на рынке сейчас как раз поддерживается институциональными и ритейловыми инвесторами в России. Поэтому я — большой сторонник Международного финансового

центра и абсолютно уверен, что это реалистичный проект. Спасибо большое. Следующий вопрос.

А. Гавриленко:

Анатолий Григорьевич Гавриленко, небанковский финансовый рынок. Все вопросы, которые у меня есть, навеяны сегодняшним выступлением президента, и мне хотелось бы сделать одну ремарку: когда господин Шувалов говорил, что в Казахстане умеют работать, наверное, Вы имели в виду в первую очередь чиновников, потому что в России тоже умеют работать, и очень неплохо. И, на мой взгляд, здесь на Форуме мы видим примеры этой прекрасной работы.

Первый вопрос — к господину Панкину. Сегодня президент говорил о том, что ему очень нравятся различные общественные инициативы неравнодушных представителей рынка. Готов ли господин Панкин поддержать такую общественную инициативу представителя рынка Fogex, который сейчас собирается писать концепцию развития этого рынка? На этом рынке сейчас присутствует порядка 400 тысяч человек, и его участники пришли к выводу, что нужно переходить в нормальное правовое поле и стараться в нем работать.

Второй вопрос — к господину Шувалову. Мы услышали, что наш уважаемый президент по поводу МФЦ побеседовал практически со всеми, за что ему огромная благодарность. Нельзя ли передать ему приглашение от небанковского финансового рынка, чтобы он побеседовал по поводу Международного финансового центра и с нами? Как у управляющей компании, у нас в управлении порядка сотни миллиардов долларов, наши обороты на бирже — это десятки миллиардов, и так далее. Было бы очень неплохо, если бы мы встретились и поговорили на эту тему, в том числе обсудили результаты выполнения нашего плана по МФЦ из 48 пунктов.

Такое впечатление, что его и не было. А срок действия этого плана уже истек.

Ю. Соловьев:

Анатолий Григорьевич, спасибо большое.

А. Гавриленко:

А у меня еще два вопроса к разным людям.

Ю. Соловьев:

Я понимаю. У нас очень много людей в аудитории. Мы, к сожалению, заканчиваем. Если можно, давайте ограничимся двумя. Спасибо большое.

А. Гавриленко:

Ну, как скажете, Вы — хозяин.

Д. Панкин:

Фогех, конечно, это реальность. Большой объем операций проходит на этом рынке, и это рынок абсолютно нерегулируемый, там масса нарушений, масса жуликов. Думаю, что все это надо приводить в порядок и устанавливать нормальные правила игры, стандарты для этого рынка. Я приветствую идею регулирования этого рынка и думаю, что правильно будет, если концепцию регулирования подготовят участники рынка. Это не значит, что она обязательно будет принята в таком виде, но сам подход таков: предложите концепцию, дальше уже чиновники-бюрократы посмотрят, что-то отрежут, что-то приклеят, и будем регулировать. Спасибо.

И. Шувалов:

Я бы хотел ответить по поводу приглашения, которое может сделать президент Медведев. Но прежде я хотел бы сказать, что похвалить другого, признать достоинства других людей — это не значит признать собственную неполноценность. Я как раз по достоинству могу оценить все, что делают русские, но я рад за наших казахстанских коллег, что они так научились работать, и часто нам приходится у них учиться. А что касается приглашения президента Медведева, я, конечно же, сегодня вечером обязательно скажу Дмитрию Анатольевичу. Но должен Вам также ответить, что все консультации, которые он проводил с иностранными инвесторами или потенциальными экспертами, сопровождались консультациями с крупнейшими российскими институтами. «Тройка», «Ренессанс» — они все принимали участие в этих беседах.

Поэтому если кого-то мы не позвали, просим извинить нас. Но я сегодня же и администрации, и Дмитрию Анатольевичу скажу, что надо, может быть, провести дополнительные консультации, чтобы Вы и другие люди, которые не вовлечены в этот процесс, знали, что можно провести совместное обсуждение этой темы.

Ю. Соловьев:

Спасибо большое. К сожалению, наше время истекло, у всех очень плотные графики. Я хотел бы поблагодарить всех наших уважаемых панелистов. Спасибо большое и удачного вечера!